

Виктор
АСТАФЬЕВ

*Печальный
детектив*

Виктор Астафьев

Печальный детектив

«ЭКСМО»

1985

Астафьев В. П.

Печальный детектив / В. П. Астафьев — «Эксмо», 1985

ISBN 978-5-699-46235-3

Произведения В. П. Астафьева (1924—2001) наполнены тревогой за судьбу родной страны, переживающей период «всяческих преобразований и великих строек, исказивших лик святой Руси, превративших ее в угрюмую морду, покрытую паршой всяческих отходов, блевотиной грязной плесени и ядовитыми лишаями»; за человека, утрачивающего человеческое лицо, совесть, достоинство. Автор призывает остановиться, взглядеться в свое лицо: куда уведет этот путь? Не от самого ли себя? А ведь счастье – в честности и верности своим принципам, в простых человеческих радостях, умении любить.

ISBN 978-5-699-46235-3

© Астафьев В. П., 1985

© Эксмо, 1985

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виктор Астафьев

Печальный детектив

Глава 1

Леонид Сошнин возвращался домой в самом дурном расположении духа. И хотя идти было далеко, почти на окраину города, в железнодорожный поселок, он не сел в автобус, – пусть ноет раненая нога, зато ходьба его успокоит и он обдумает все, что ему говорили в издательстве, обдумает и рассудит, как ему дальше жить и что делать.

Собственно, издательства как такового в городе Вейске не было, от него осталось отделение, само же издательство перевели в город более крупный и, как, наверное, думалось ликовидаторам, более культурный, обладающий мощной полиграфической базой. Но база эта была такой же точно, как в Вейске, – дряхлое наследство старых русских городов. Типография располагалась в дореволюционном здании из крепкого бурого кирпича, прошитого решетками узких оконеч понизу и фасонно изогнутыми поверху, тоже узкими, но уже вознесенными ввысь вроде восклицательного знака. Половина здания вейской типографии, где были наборные цехи и печатные машины, давно уж провалилась в недра земли, и хотя по потолку сплошными рядами лепились лампы дневного света, все равно в наборном и печатном цехах было неуютно, зябко и что-то все время, будто в заложенных ушах, сверчало или работал закопанный в под-земелье взрывной механизм замедленного действия.

Отделение издательства ютилось в двух с половиной комнатах, со скрипом выделенных областной газетой. В одной из них, окутавшись сигаретным дымом, дергалось, елозило на стуле, хваталось за телефон, сорило пеплом местное культурное светило – Сыроквасова Октябрина Перфильевна, двигая вперед и дальше местную литературу. Сыроквасова считала себя самым сведущим человеком: если не во всей стране, то в Вейске ей по интеллекту равных не было. Она делала доклады и отчеты о текущей литературе, делилась планами издательства через газету, иногда, в газетах же, и рецензировала книги здешних авторов, к месту и не к месту вставляя цитаты из Вергилия и Данте, из Савонаролы, Спинозы, Рабле, Гегеля и Экзюпери, Канта и Эренбурга, Юрия Олеши, Трегуба и Ермилова, впрочем, и прах Эйнштейна с Луначарским иногда тревожила, вождей мирового пролетариата вниманием тоже не обходила.

Все уже давно с книгой Сошнина решено. Рассказы из нее напечатаны пусть и в тонких, но столичных журналах, разочка три их снисходительно упомянули в обзорных критических статьях, он пять лет простоял «в затылок», попал в план, утвердился в нем, осталось отредактировать и оформить книгу.

Назначив время делового свидания ровно в десять, Сыроквасова явилась в отделение издательства к двенадцати. Опахнув Сошнина табачищем, запыхавшаяся, она промчалась мимо него по темному коридору – лампочки кто-то «увел», – хрипло бросила «Извините!» и долго хрустела ключом в неисправном замке, вполголоса ругаясь.

Наконец дверь рассерженно крикнула, и старая, плотно не притворяющаяся плита пустила в коридор щель серого, унылого света: на улице вторую неделю шел мелкий дождь, размывший снег в кашу, превративший в катушки улицы и переулки. На речке начался ледоход – в декабре-то!

Тупо и непрерывно ныла нога, жгло и сверлило плечо от недавней раны, давила усталость, тянуло в сон – ночью не спалось, и опять он спасался пером и бумагой. «Неизлечимая это болезнь – графоманство», – усмехнулся Сошнин и, кажется, задремал, но тут встряхнуло тишину стуком в гулкую стену.

– Галя! – с надменностью бросила в пространство Сыроковасова. – Позови ко мне этого гения!

Галя – машинистка, бухгалтер да еще и секретарша. Сошнин осмотрелся: в коридоре больше никого не было, гений, стало быть, он.

– Эй! Где ты тут? – ногой приоткрыв дверь, высунула Галя коротко стриженную голову в коридор. – Иди. Зовут.

Сошнин передернул плечами, поправил на шее новый атласный галстук, пригладил набок ладонью волосы. В минуты волнения он всегда гладил себя по волосам – маленького его много и часто гладили соседки и тетя Лина, вот и приучился оглаживаться. «Спокойно! Спокойно!» – приказал себе Сошнин и, воспитанно кашлянув, спросил:

– Можно к вам? – Наметанным глазом бывшего оперативника он сразу все в кабинете Сыроковасовой охватил: старинная точеная этажерка в углу; надетая на точеную деревянную пику, горбато висела мокрая, всем в городе примелькавшаяся рыжая шуба. У шубы не было вешалки. За шубой на струганом, но некрашеном стеллаже расставлена литературная продукция объединенного издательства. На переднем плане красовались несколько совсем недурно оформленных рекламно-подарочных книг в ледериновых переплетах.

– Раздевайтесь, – кивнула Сыроковасова на старый желтый шкаф из толстого теса. – Там вешалок нет, вбиты гвозди. Садитесь, – указала она на стул напротив себя. И когда Сошнин снял плащ, Октябрина Перфильевна с раздражением бросила перед собой папку, вынув ее чуть ли не из-под подола.

Сошнин едва узнал папку со своей рукописью. Сложный творческий путь прошла она с тех пор, как сдал он ее в издательство. Взором опять же бывшего оперативника отметил он, что и чайник на нее ставили, и кошка на ней сидела, кто-то пролил на папку чай. Если чай? Вундеркинды Сыроковасовой – у нее трое сыновей от разных творческих производителей – нарисовали на папке голубя мира, танк со звездой и самолет. Помнится, он нарочно подбирал и берег пестренькую папочку для первого своего сборника рассказов, беленькую наклейку в середине сделал, название, пусть и не очень оригинальное, аккуратно вывел фломастером: «Жизнь всего дороже». В ту пору у него были все основания утверждать это, и нес он в издательство папку с чувством не изведенного еще обновления в сердце и жажду жить, творить, быть полезным людям – так бывает со всеми людьми, воскресшими, выкарабкавшимися из «оттуда».

Беленькая наклейка сделалась за пять лет серенькой, кто-то поковырял ее ногтем, может, клей плохой был, но праздничное настроение и светлость в сердце – где все это? Он видел на столе небрежно хранимую рукопись с двумя рецензиями, на ходу написанными бойкими здешними пьяницами-мыслителями, подрабатывающими у Сыроковасовой и видевшими милицию, которая отражена была в этой вот пестренькой папке, чаще всего в медвытрезвителе. Сошнин знал, как дорого обходится всякой жизни, всякому обществу человеческая небрежность. Что-то, это усвоил. Накрепко. Навсегда.

– Ну-с, значит, дороже всего жизнь, – скривила губы Сыроковасова и затянулась сигареткой, окуталась дымом, быстро пролистывая рецензии, все повторяя и повторяя в раздумчивой отстраненности: – Дороже всего... дороже всего...

– Я так думал пять лет назад.

– Что вы сказали? – подняла голову Сыроковасова, и Сошнин увидел дряблые щеки, неряшливо засиненные веки, неряшливо же сохлой краской подведенные ресницы и брови – мелкие черные комочки застряли в уже очерствевших, полувывлезших ресницах и бровях. Одета Сыроковасова в удобную одежду – этакую современную бабью спецовку: черную водолазку – не надо часто стирать, джинсовый сарафан поверху – не надо гладить.

– Я думал так пять лет тому назад, Октябрина Перфильевна.

– А сейчас так не думаете? – Язвительность так и сквозила в облике и словах Сыроковасовой, роющей в рукописи, словно в капустных отбросах. – Разочаровались в жизни?

– Еще не совсем.

– Вот как! Интересно-интересно! Похвально-похвально! Не совсем, значит?..

«Да она же забыла рукопись! Она же время выигрывает, чтоб хоть как-то, на ходу ознакомиться с нею вновь. Любопытно, как она будет выкручиваться? Очень любопытно!» Сошнин ждал, не отвечая на последний полувопрос редакторши.

– Я думаю, разговора длинного у нас не получится. Да и ни к чему время тратить. Рукопись в плане. Я тут кое-что поправлю, приведу ваше сочинение в божий вид, отдам художнику. Летом, я полагаю, вы будете держать свое первое печатное детище в руках. Если, конечно, дадут бумагу, если в типографии ничего не стрясется, если не сократят план и тэ дэ, и тэ пэ. Но я вот о чем хотела бы поговорить с вами, на будущее. Судя по прессе, вы упорно продолжаете работать, печтаетесь, хотя и нечасто, но злободневно, да и тема-то у вас актуальная – ми-ли-цейская!

– Человеческая, Октябрина Перфильевна.

– Что вы сказали? Ваше право так думать. А если откровенно – до человеческих, тем более общечеловеческих, проблем вам еще ой как далеко! Как говорил Гёте: «Унеррайхбар ви дер химмель». Высоко и недоступно, как небо.

Что-то не встречал Сошнин у великого немецкого поэта подобного высказывания. Видать, Сыроквасова в суетности жизни спутала Гёте с кем-то или неточно его процитировала.

– Вы еще не усвоили толком, что такое фабула, а без нее, извините, ваши милицейские рассказы – мякина, мякина с обмолоченного зерна. А уж ритм прозы, ее, так сказать, квинт-эссенция – это за семью печатями. Есть еще форма, вечно обновляющая, подвижная форма...

– Что такое форма – я знаю.

– Что вы сказали? – очнулась Сыроквасова. При вдохновенной проповеди она закрыла глаза, насорила пепла на стекло, под которым красовались рисунки ее гениальных детей, мятая фотография заезжего поэта, повесившегося по пьянке в гостинице три года назад и по этой причине угодившего в модные, почти святые ряды преставившихся личностей. Пепел насорился на подол сарафана, на стул, на пол, да еще сарафан пепельного цвета, и вся Сыроквасова вроде бы засыпана пеплом или тленом времени.

– Я сказал, что знаю форму. Носил ее.

– Я не милицейскую форму имела в виду.

– Не понял вашей тонкости. Извините. – Леонид поднялся, чувствуя, что его начинает захлестывать бешенство. – Если я вам более не нужен, позволю себе откланяться.

– Да-да, позволяйте, – чуть смешалась Сыроквасова и перешла на деловой тон: – Аванс вам в бухгалтерии выпишут. Сразу шестьдесят процентов. Но с деньгами у нас, как всегда, плохо.

– Спасибо. Я получаю пенсию. Мне хватает.

– Пенсию? В сорок лет?!

– Мне сорок два, Октябрина Перфильевна.

– Какой это возраст для мужчины? – Как и всякое вечно раздраженное существо женского рода, Сыроквасова спохватилась, завиляла хвостом, пробовала сменить язвительность тона на полушутливую доверительность.

Но Сошнин не принял перемен в ее тоне, раскланялся, выбрал в полутемный коридор.

– Я подержу дверь открытой, чтобы вы не убились! – крикнула вслед Сыроквасова.

Сошнин ей не ответил, вышел на крыльцо, постоял под козырьком, украшенным по ободку старинными деревянными кружевами. Искрошены они скучающими рукосуями, будто ржаные пряники. Подняв воротник утепленного милицейского плаща, Леонид втянул голову в плечи и шагнул под бесшумную наволочь, словно в провальную пустыню. Он зашел в местный бар, где постоянные клиенты встретили его одобрительным гулом, взял рюмку коньяку, выпил ее махом и вышел вон, чувствуя, как черствеет во рту и теплеет в груди. Жжение в плече как

бы стиралось теплотою, ну а к боли в ноге он как будто привык, пожалуй что просто примирился с нею.

«Может, еще выпить? Нет, не надо, – решил он, – давно не занимался этим делом, еще захмелею...»

Он шел по родному городу, из-под козырька мокрой кепки, как приучила служба, привычно отмечал, что делалось вокруг, что стояло, шло, ехало. Гололедица притормозила не только движение, но и самую жизнь. Люди сидели по домам, работать предпочитали под крышей, сверху лило, хлюпало всюду, текло, вода бежала не ручьями, не речками, как-то бесцветно, сплошно, плоско, неорганизованно: лежала, кружилась, переливалась из лужи в лужу, из щели в щель. Всюду обнажился прикрытый было мусор: бумага, окурки, раскисшие коробки, трепыхающийся на ветру целлофан. На черных липах, на серых тополях лепились вороны и галки, их шевелило, иную птицу роняло ветром, и она тут же слепо и тяжело цеплялась за ветку, сонно, со старческим ворчанием мостилась на нее и, словно подавившись косточкой, клекнув, смолкала.

И мысли Сошниина под стать погоде медленно, загустело едва шевелились в голове, не текли, не бежали, а вот именно вяло шевелились, и в этом шевелении ни света дальнего, ни мечты, одна лишь тревога, одна забота: как дальше жить?

Ему было совершенно ясно: в милиции он отслужил, отвоевался. Навсегда! Привычная линия, накатанная, однопутная – истребляй зло, борись с преступниками, обеспечивай покой людям, – разом, как железнодорожный тупик, возле которого он вырос и отыграл детство свое «в железнодорожника», оборвалась. Рельсы кончились, шпалы, их связующие, кончились, дальше никакого направления, никакого пути нет, дальше вся земля, сразу, за тупиком, – иди во все стороны, или вертись на месте, или сядь на последнюю в тупике, истрескавшуюся от времени, уже и не липкую от пропитки, выветренную шпалу и, погрузившись в раздумье, дремли или ори во весь голос: «Сяду я за стол да подумаю, как на свете жить одинокому...»

Как на свете жить одинокому? Трудно на свете жить без привычной службы, без работы, даже без казенной амуниции и столовой, надо даже об одежке и еде хлопотать, где-то стирать, гладить, варить, посуду мыть.

Но не это, не это главное, главное – как быть да жить среди народа, который делился долгое время на преступный мир и не преступный мир. Преступный, он все же привычен и однолик, а этот? Каков он в пестроте своей, в скопище, суе и постоянном движении? Куда? Зачем? Какие у него намерения? Каков нрав? «Братцы! Возьмите меня! Пустите к себе!» – хотелось закричать Сошнину сперва вроде бы в шутку, поерничать привычно, да вот закончилась игра. И обнаружилась, подступила вплотную житуха, будни ее, ах, какие они, будни-то, у людей будничные.

Сошнин хотел зайти на рынок, купить яблок, но возле ворот рынка с перекосившимися фанерными буквами на дуге: «Добро пожаловать» корячилась и привязывалась к прохожим пьяная женщина по прозвищу Урна. За беззубый, черный и грязный рот получила прозвище, уже и не женщина, какое-то обособленное существо со слепой, полубезумной тягой к пьянству и безобразиям. Была у нее семья, муж, дети, пела она в самодеятельности железнодорожного ДК под Мордасову – все пропила, все потеряла, сделалась позорной достопримечательностью города Вейска. В милицию ее уже не брали, даже в приемнике-распределителе УВД, который в народе зовется «бичевником», а в старые грубые времена звался тюрьмой для бродяг, не держали, из вытрезвителя гнали, в дом престарелых не принимали, потому что она была старой лишь на вид. Вела она себя в общественных местах срамно, стыдно, с наглым и мстительным ко всем вызовом. С Урной невозможно и нечем бороться, она хоть и валялась на улице, спала по чердакам и на скамейках, не умирала и не замерзала.

А-ах, мой вессе-олай смех
Всегда имел успех... —

хрипло орала Урна, и моросью, стылой пространственностью не вбирало ее голоса, природа как бы отделяла, отталкивала от себя свое исчадие. Сошнин прошел рынок и Урну стороной. Все так же текло, плыло, сочилось мозглой пустотой по земле, по небу, и не было конца серому свету, серой земле, серой тоске. И вдруг посреди этой беспросветной, серой планеты произошло оживление, послышались говор, смех, на перекрестке испуганно кхекнула машина.

По широкой, осенью лишь размеченной улице, точнее, по проспекту Мира, по самой его середине, по белым пунктирам разметки неспешно следовала пегая лошадь с хомутом на шее, изредка охлестываясь мокрым, форсисто подстриженным хвостом. Лошадь знала правила движения и цокала подковами, как модница импортными сапожками, по самой что ни на есть нейтральной полосе. И сама лошадь, и сбруя на ней были прибраны, ухожены, животное совершенно не обращало ни на кого и ни на что внимания, неспешно топая по своим делам.

Народ единодушно провожал лошадь глазами, светлел лицами, улыбался, сыпал вослед коняге реплики: «Наладила от скупого хозяина!», «Сама пошла сдаваться на колбасу», «Нее, в вытрезвитель — там теплей, нежели в конюшне», «Ничего подобного! Идет докладывать супружнице Лаври-казака насчет его местонахождения»...

Сошнин тоже заулыбался из-под воротника, проводил лошадь взглядом — она шла по направлению к пивзаводу. Там ее конюшня. Хозяин ее, коновозчик пивзавода Лавря Казаков, в народе — Лавря-казак, старый гвардеец из корпуса генерала Белова, кавалер трех орденов Славы и еще многих боевых орденов и медалей, развез по «точкам» сидро и прочие безалкогольные напитки, подсел с мужичками на постоянной «точке» — в буфете Сазонтьевской бани — потолковать о прошлых боевых походах, о современных городских порядках, про лютость баб и бесхарактерность мужиков, лошадь же разумную свою, чтоб не мокло и не дрогло животное под небом, пустил своим ходом на пивзавод. Вся вейская милиция, да и не только она, все коренные жители Вейска знали: где стоит пивзаводская телега, там ведет беседы и отдыхает Лавря-казак. А лошадь у него ученая, самостоятельная, все понимает и пропасть себе не даст.

Вот уж и сместилось что-то в душе, и погода дурная не так уж гнетуща, порешил Сошнин, привыкнуть пора — родился здесь, в гнилом углу России. А посещение издательства? Разговор с Сыроквасовой? Да шут с ней! Ну, дура! Ну, уберут ее когда-нибудь. Книжка ж и в самом деле не ахти — первая, наивная, шибко замученная подражательностью, да и устарела она за пять лет. Следующую надо делать лучше, чтобы издавать помимо Сыроквасовой; может, и в самой Москве...

Сошнин купил в гастрономе батон, банку болгарского компота, бутылку молока, курицу, если это скорбно зажмуренное, иссиня-голое существо, прямо из шеи которого, казалось, торчало много лап, можно назвать курицей. Но цена прямо-таки гусиная! Однако и это не предмет для досады. Супу вермишельного сварит, хлебнет горяченького и, глядишь, после сытного обеда по закону Архимеда, под монотонную капель из батареи, под стук старых настенных часов — не забыть бы завести, — под шлепанье дождя полтора-два часа почитает всласть, потом соснет и на всю ночь за стол — творить. Ну, творить не творить, но все же жить в каком-то обособленном, своим воображением созданном мире.

Жил Сошнин в новом железнодорожном микрорайоне, но в старом двухэтажном деревянном доме под номером семь, который забыли снести, после забытые узаконили, подцепили дом к магистрали с теплой водой, к газу, к сточным трубам, — построенный в тридцатых годах по нехитрому архитектурному проекту, с внутренней лестницей, делящей дом надвое, с острым шалашиком над входом, где была когда-то застекленная рама, чуть желтый по наружным стенам и бурый по крыше дом скромно жмурился и покорно уходил в землю между глухими

торцами двух панельных сооружений. Достопримечательность, путевая веха, память детства и добрый приют людей. Жители современного микрорайона ориентировали приезжих людей и себя по нему, деревянному пролетарскому строению: «Как пойдешь мимо желтого домика...»

Сошнин любил родной свой дом или жалел – не понять. Наверное, и любил, и жалел, потому что в нем вырос и никаких других домов не знал, нигде, кроме общежитий, не жилал. Отец его воевал в кавалерии и тоже в корпусе Белова, вместе с Лаврей-казакон, Лавря – рядовым, отец – комвзвода. С войны отец не вернулся, погиб во время рейда кавкорпуса по тылам врага. Мать работала в технической конторе станции Вейск в большой, плоской, полутемной комнате и жила вместе с сестрой в этом вот домике, в квартире номер четыре, на втором этаже. Квартира состояла из двух квадратных комнаток и кухни. Два окна одной комнатки выходили на железнодорожную линию, два окна другой комнатки – во двор. Квартиру когда-то дали молодой семье железнодорожников, сестра мамы его, Сошнина тетка, приехала из деревни возиться с ним, он ее помнил и знал больше матери оттого, что в войну всех конторских часто наряжали разгружать вагоны, на снегоборьбу, на уборку урожая в колхозы, дома мать бывала редко, за войну надорвалась, на исходе войны тяжело простудилась, заболела и умерла.

Они остались вдвоем с теткой Липой, которую Леня, ошибившись еще в раннем возрасте, назвал Линой, да так Линой она и закрепилась в его памяти. Тетка Лина пошла по стопам сестры и заняла ее место в технической конторе. Жили они, как и все честные люди их поселка, соседством, картофельным участком за городом, от полочки до полочки дотягивали с трудом. Иногда, если случалось справить обнову или погулять в праздник, – и не дотягивали. Тетка замуж не выходила и не пробовала выходить, повторяя: «У меня Леня». Но погулять широко, по-деревенски шумно, с песнями, переплясами, визгом любила.

Кто? Что сотворил с этой чистой, бедной женщиной? Время? Люди? Поветрие? Пожалуй, что и то, и другое, и третье. В той же конторе, на той же станции она перешла за отдельный стол, за перегородку, потом ее перевели аж «на гору», в коммерческий отдел Вейского отделения дороги. Начала тетя Лина приносить домой деньги, вино, продукты, сделалась взвинченно-веселой, запаздывала домой с работы, пробовала форсить, подкрашиваться. «Ох, Ленька, Ленька! Пропадут я – и ты пропадешь!..» Тетке звонили кавалеры. Ленька, бывало, возьмет трубку и, не здороваясь, грубо спрашивает: «Кого надо?» – «Липу». – «Нет у нас такой!» – «Как это нет?» – «Нет, и все!» Тетя скребнет по трубке лапкой: «Мне это, мне...» – «Ах, вам тетю Лину? Так бы и сказали!.. Да, пожалуйста! Всегда пожалуйста!» И не сразу, а потиранив тетю, передаст ей трубку. Та ее в горсточку зажмет: «Зачем звонишь? Я же говорила, потом... Потом-потом! Когда-когда?..» И смех, и грех. Опыта-то никакого, возьмет и проболтается: «Когда Леня в школу уйдет».

Леня уже подросток, с гонором уже: «Я и сейчас могу уйти! На сколько, подскажи, и бу сделано...» – «Да ну тебя, Леня! – пряча глаза, зардеется тетка. – Из конторы звонят, а ты бог весть что...»

Он ее усмешкой разил и взглядом презрительным испепелял, особо когда тетя Лина забывалась: отставит стоптанный тапочек, переплетет ногу ногой, вытянется на носочке – этакая фифа-десятиклассница в общественном автомате глазки показывает и «ди-ди-ди, ди-ди-ди...». Паренечку ж как раз пол мести надо, и он обязательно венником ножку тете поправит, на место ее водворит или дурашливо запоем ломким басом: «Уйми-и-и-итесь, волнения страсти».

Всю жизнь добрая женщина с ним и для него жила, как же он мог ею с кем-то делиться? Современный же мальчик! Эгоист же!

Возле здания областного управления внутренних дел, облицованного почему-то керамической плиткой, завезенной аж с Карпат, но красивей от этого не ставшего, даже как бы еще более помрачневшего, в «Волге» вишневого цвета, навалившись на дверь, дремал шофер Ванька Стригалева в кожанке и кроличьей шапке – тоже очень интересный человек: он мог в

машине просидеть сутки, не читая, о чем-то медленно думая. Сошнину доводилось вместе с работниками УВД, дядей Пашей и его другом, старцем Аристархом Капустиным, ездить на рыбалку, и многие даже чувство неловкости испытывали оттого, что молодой парень с бакенбардами сидит целый день в машине и ждет рыбаков. «Ты бы хоть почитал, Ваня, журналы, газетки или книгу». – «А чё их читать-то? Чё от их толку?» – скажет Ваня, сладко зевнет и платонически передернется.

Вон и дядя Паша. Он всегда метет. И скребет. Снегу нет, смыло, так он воду метет, за ворота увэдэвского двора ее выгоняет, на улицу. Мести и долбить – это не самоглавнейшее для дяди Паши действие. Был он совершенно помешанным рыбаком и болельщиком хоккея, дворником пошел ради достижения своей цели: человек не пьющий, но выпивающий, на хоккей и на рыбалку дядя Паша, чтобы не разорять пенсию, не рвать ее на части, прирабатывал дворничкой метлой – на «свои расходы», пенсию же отдавал в надежные руки жены. Та каждый раз с расчетом и выговором выдавала ему «воскресные»: «Его тебе, Паша, пятерик на рыбалку, его тебе трояк – на коккей твой клятый».

В УВД держалось еще несколько лошадей и маленькая конюшня, которою ведал дяди-Пашин друг, старец Аристарх Капустин. Вдвоем они подкопали родную милицию, дошли до горячих труб, до теплоцентрали, проложенной в здание УВД, навалили на эти трубы конского назьма, земли, перегноя, замаскировали сверху плитами шифера – и таких червей плодили круглый год в подкопе, что за наживку их брали на любой транспорт, даже начальственный. С начальством дядя Паша и старец Аристарх Капустин ездить не любили. Они уставали от начальства и от жен в повседневной жизни, хотели на природе быть совершенно свободными, отдохнуть, забыться от тех и от других.

Старики выходили в четыре часа на улицу, становились на перекрестке, опершись на пешни, и скоро машина, чаще всего кузовная, накрытая брезентом или ящиком из фанеры, притормаживала и как бы слизывала их с асфальта – чьи-то руки подхватывали стариков, совали их за спины, в гущу народа. «А-а, Паша! А-а, Аристаша? Живы еще?» – раздавались возгласы, и с этого момента бывалые рыбаки, попав в родную стихию, распускались телом и душой, говорили о «своем» и со «своими».

У дяди Паши вся правая кисть была в белых шрамах, и к этим дяди-Пашиным шрамам рыбаки, да и не одни только рыбаки, но и остальная общественность города, относились, быть может, еще почтительней, чем к его боевым ранениям.

Массовый рыбак подвержен психозу, он волнами плещется по водоему, долбит, вертит, ругается, вспоминает прежние рыбалки, клянет прогресс, погубивший рыбу, сожалеет о том, что не поехал на другой водоем.

Не такой рыбак дядя Паша. Он припадет к одному местечку и ждет милостей от природы, хотя и мастер в рыбалке не последний, худо-бедно, на ушицу всегда привозит, случалось, и полную шарманку-ящик, мешок и рубаху нижнюю, по рукавам ее завязавши, набивал рыбой дядя Паша – все тогда управление уху хлебало, особенно низовой аппарат, всех наделял рыбой дядя Паша. Старец Аристарх Капустин, тот поприжимистей, тот рыбку вялил меж рам в своей квартире, затем, набивши карманы сушенкой, являлся в буфет Сазонтьевской бани, стучал рыбкой по столу – и всегда находились охотники потискать зубами солененькое и поили старца Аристарха Капустина дармовым пивом.

Про дядю Пашу рассказывали каверзную небыль, которой он и сам, однако, одобрительно посмеивался. Будто припал он к лунке, но всякий мимо проходящий рыбак пристаёт: «Как клев?» Молчит дядя Паша, не отвечает. Его тормозат и тормозат! Не выдержал дядя Паша, выплюнул из-за щеки живых червяков и заругался: «Всю наживку с вами заморозишь!..»

Верного связчика его, старца Аристарха Капустина, одной весной подхватила прихоть поиска – вечером хлынула большая, втекающая в Светлое озеро река, поломала, наторосила

лед, мутной, кормной волной подпятила рыбу к середине озера. Сказывали, с вечера, почти в темноте уже, начал брать **сам** – матерый судак, и местные рыбаки крепко обрыбились. Но к утру граница мутной воды сместилась и куда-то, еще дальше, отпятилась рыба. А куда? Озеро Светлое в ширину пятнадцать верст, в длину – семьдесят. Шипел на связчика Аристарха Капустина дядя Паша: «Нишкни! Сиди! Тута она будет...» Но где там! Лукавый понес старца Аристарха Капустина, как метляка, по озеру.

Полдня злился на Аристарха Капустина дядя Паша, дергал удочками сорожонку, слушался крепенький окунек, два раза на ходу цеплялась за рыбешку и рвала лески щучонка. Дядя Паша спустил под лед блесну, подразнил щучонку и вывернул ее наверх – не балуй! Вот она, хищница подводного мира, плещется на внешнем льду, аж брызги летят, в пасти у нее обрывки тонких лесок с мормышками, словно вставными, блескучими зубами украшена наглая пасть. Дядя Паша не вынает мормышки, пусть попомнит, фулюганка, как разорять малоимущих рыбаков!

К полудню из разверстых врат притихшего монастыря хотя и с обветшалыми, но нетленными башенками, имеющего у въезда скромную вывеску «Школа-интернат», вышли и притащились на озеро два отрока, два братца, Антон и Санька, девяти и двенадцати лет. «Сбегли они с последних уроков», – догадался дядя Паша, но не осудил мальцов – учиться им еще долго, может, всю жизнь, весенняя же рыбалка – праздничная пора, мелькнет – не заметишь. Большую в тот день драму пережили вместе с дядей Пашей отроки. Только-только уселись парни подле удочек, как у одного из них взялась и сошла уже в лунке крупная рыбина. Сошла у младшенького, он горько заплакал. «Ничего, ничего, парняга, – напряженным шепотом утешал его дядя Паша, – будет наша! Никуда не денется! На тебе конфетку и ишшо крендель городской, с маком».

Дядя Паша все предчувствовал и рассчитал: к полудню к мутной воде, где кормятся планктоном снеток и другая мелкая рыбешка, в озеро еще дальше протолкнется река, пронесет муть и подвалит на охоту крупный «хычник». Отряды рыбаков, зверски бухающие пешнями, грохающие сапогами, оглашающие окрестности матом, ее, пугливую и чуткую рыбу, не переносящую отборного мата, отгонят в «нейтральную полосу», стало быть, сюда вот, где вместе с отроками с самого раннего утра, не сказав – ни единого! – бранного слова, терпит и ждет ее дядя Паша!

И расчет его стратегический полностью подтвердился, терпение его и скромность в выражениях были вознаграждены: три судака весом по кило лежали на льду и скорбно глазели в небо оловянными зрачками. Да еще самые, конечно, крупные два судака сошли! Но кто радовал независтливое сердце дяди Паши, так это малые рыбаки – отроки Антон и Санька. Они тоже достали по два судака на свои утильные, из ружейного патрона склепанные блесны. Младшенький кричал, смеялся, снова и снова рассказывал о том, как клюнуло, как он попер!.. Дядя Паша растроганно его поощрял: «Ну вот! А ты – плакать? В жизни завсегда так: то клюет, то не клюет...»

Тут и случилось такое, что в смятение ввело не только рыбаков, но почти все приозерное население, да и часть города Вейска сотрясло героическое событие.

Снедаемый сатаной, рыбацким ли дьяволом, дядя Паша, чтоб не стучать пешней, сдвинулся на ребячьи лунки, просверленные ледорубом. И только опустил свою знаменитую, под снетка излаженную блесну, как ее пробным толчком щипнуло, затем долбануло, да так, что он – уж какой опытный рыбак! – едва удержал в руке удочку! Долбануло, надавило, повело в глыбы озерных вод.

Судачина на семь килограммов и пятьдесят семь граммов – это было потом с аптекарской точностью вывешано – застрял в узкой лунке. Дядя Паша, плюхнувшись на брюхо, сунул руку в лунку и зажал рыбину под жабры. «Бей!» – скомандовал он отрокам, мотая головой на пешню. Старший отрок прыгнул, схватил пешню, замахнулся и замер: как «бей»? А рука? И

тогда закаленный фронтовик, бешено вращая глазами, гаркнул: «А как на войне!» И бедовый парнишка, заранее вспотев, начал раздалбливать лунку.

Скоро лунку прошило красными ниточками крови. «Вправо! Лево! В заступ! В заступ бери! В заступ! Леску не обрежь...» – командовал дядя Паша. Полная лунка крови была, когда дядя Паша вынул из воды и бросил на лед уже вялое тело рыбыны. И тут же, взбрыкнув кореженными ревматизмом ногами, заплясал, заорал дядя Паша, да скоро опомнился и, чакая зубами, отворил шарманку, сунул ребятам флягу с водкой, приказал растирать занемелую руку, обезвреживать раны.

Два дня подряд во дворе УВД шла демонстрация, в центре которой перевязанный дядя Паша разводил руками, тряс, дергал, выводил, бросал, орал, прыгал, пел. Сошнин, глядя на все это в окошко, сожалел, что не владеет камерой, – это было бы величайшее кино!

На третий день начальник хозчасти отправил дядю Пашу в санупр, где рыбаку дали бюллетень с пометкой «бытовая травма», то есть неоплачиваемый. Ну, тут уж все сотрудники поднялись в защиту героя, звонили в санупр, в облздрав – и добились справедливости: «бытовая травма была переправлена на «боевую».

Коммерческий отдел пересудили и пересадили разом. Тетя Лина травилась. Ее спасли и после суда отправили в исправительно-трудовую колонию. Срок ей дали короткий, но мук и позора тетка и Леня вместе с ней пережили много. Он уже учился в областной спецшколе УВД, тетка настояла: «Обмундирование бесплатное, питание, догляд и работа в защиту справедливости...» Она чувствовала, догадался он потом, что ей несдобровать, и хотела устроить дитяню попрочнее. Из спецшколы Сошнина чуть было не помели. Конторские служащие, жители седьмого и соседних домов, на глазах которых он рос, но главное – однополчанин и друг отца Лавря-казак походатайствовали за него. Лавря-казак подстригся, наодеколонился, почистил штиблеты, обрядился в новый костюм, к борту коего прицепил ордена Славы и еще два ряда орденов и во всем параде двинул к начальнику областного управления внутренних дел, где имел долгую беседу.

Потом Лавря-казак запряг свою верную лошадку, и они вдвоем с Леней ездили «на торф» – попроведать тетю Лину. Она бухнулась на колени перед боевым фронтовиком, и племянник ее, будущий страж порядка, отвернувшись, глотал слезы и клялся про себя беспощадно бороться с преступностью, особо с теми, кто совращает, сбивает с пути невинных людей, калечит им судьбы и души.

Тетю Лину освободили по амнистии. Она поступила работать в химчистку, прирабатывала дома стиркой и все жалась по углам, старалась днем не показываться на люди, говорила тихо, и когда умерла, то Лене казалось, и в домовине она старалась сжаться, прятала от людей глаза и руки, изъеденные химикалиями и мылом, под ластами кружевной черной накидки.

Еще до кончины тети Лины Сошнин окончил спецшколу, поработал в отдаленном Хайловском районе участковым, оттуда и привез жену. Тетя Лина успела маленько порадоваться Лениному устройству, понянчилась с его дочкой Светой, которую считала внучкой, и, когда стала умирать, все сожалела, что не успела дотянуть внучку до школы, не поставила ее на крепкие ноги, мало, совсем мало помогла молодым.

Ах, эти молодые – удалые!.. гривачи мои... Хорошо бы для них сделать отступление в самой гуманной конституции, отдельным указом ввести порку: молодого принародно, среди широкой площади порола бы молодая, а молодую – молодой...

После смерти тети Лины перешли Сошнины небольшой и совсем не спаянной ячейкой на руки другой, не менее надежной тетки по имени Граня, по фамилии Мезенцева, которая никакой теткой Сошнинным не доводилась, а являлась родней всех угнетенных и осиротевших возле железной дороги народов, нуждающихся в догляде, участии и трудоустройстве.

Тетя Граня работала стрелочницей на маневровой горке и прилегающих к ней путях. Стрелочная будка стояла почти на выносе со станции, на задах ее. Был тут построенный и давно

покинутый тупик с двумя деревянными тумбами, заросший бурьяном. Лежало под откосом несколько ржавых колесных пар, скелет двухосного вагона, кем-то и когда-то разгруженный штабель круглого леса, который тетка Граня никому растаскивать не давала и много лет, пока лес не подгнил, ждала потребителя, да так и не дождавшись, стала ножовкой отпиливать от бревен короткие чурбаки, и ребята, стадом обретавшиеся возле стрелочного поста, на этих чурбаках сидели, катались, строили из них паровоз.

Никогда не имевшая своих детей, тетя Граня и не обладала учеными способностями детского воспитателя. Она детей просто любила, никого не выделяла, никого не била, не ругала, обращалась с ребятами, как со взрослыми, угадывала и укрощала их нравы и характеры, не прилагая к тому никаких талантов, тонкостей педагогического характера, на которых так долго настаивает нравоучительная современная печать. Возле тети Грани просто росли мужики и бабы, набирались сил, железнодорожного опыта, смекалки, проходили трудовую закалку. Закуток со стрелочной будкой многим ребятам, в том числе и Лене Сошнину, был и детсадом, и площадкой для игр, и школой труда, кому и дом родной заменял. Здесь царил дух трудолюбия и братства. Будущие граждане Советской державы с самой большой протяженностью железных дорог, неспособные еще к самой ответственной на транспорте движенческой работе, заколачивали костыли, стелили шпалы, свинчивали и развинчивали в тупике гайки, гребли горстями насыпь полотна. «Движенцы» махали флажком, дудели в дудку, помогали тете Гране перебрасывать стрелочный балансир, таскать и устанавливать на путях тормозные башмаки, вели учет железнодорожного инвентаря, мели возле будки землю, летами садили и поливали цветки ноготки, красные маки и живучие маргаритки. Совсем малых, марающих пеленки и неспособных еще к строгой железнодорожной дисциплине и труду, тетя Граня не принимала на работу, не было у нее в будке для них условий.

Муж тети Грани, Чича Мезенцев (откуда, почему взялось такое имя – Сошнин так никогда и не дознался), работал кочегаром при железнодорожном Доме культуры, из кочегарки вылезал на революционные праздники да еще на Рождество, Пасху и Воздвижение, поскольку где-то в воздвиженские сроки у Чичи был день рождения. Тетя Граня работала через сутки по двенадцать часов, с двумя выходными в конце недели как движенец и, стало быть, ответственный на железной дороге человек. Она уносила мужу в кочегарку на сутки еду и неизменно поллитра водки.

По городу Вейску ходил анекдот, пущенный Лаврей-казак: будто Чича до того закочегарился, что спутал зиму с летом. К нему, в жаркое подземелье, спустилась запольханная делегация самодеятельного местного балета: «Чича! Туды т-твою, растуды! Какой месяц на дворе?» – «Хвевраль навроде...» – «Да июнь, конец июня! А ты жаришь и жаришь! Аж партнеры из рук высклизают». Леня, как и все парни желдорпоселка, готовился в машинисты, ел с братвой печеную картошку, «горькие яблоки», то есть лук с солью, пил дешевый малиновый чай прямо из горлышка тети-Граниного медного чайника – ему нравилось пить из чайника, и до се с той привычкой – пить чай из рожка – он не расставался, что также приводило к конфликтам в семье.

Однажды остыли батареи в железнодорожном Доме культуры, и труба, коптившая небо и парк культуры и отдыха, что был по соседству с ним, резко обозначилась на фоне известкой беленной тыльной стены Дома культуры, стыдно обнажилась задняя часть помещения, будто изработанная костлявая женщина разболелась на сочинском курортном берегу. Что-то неладное случилось в округе, какая-то привычная деталь выпала из пейзажа города Вейска. Дым над трубой истончился и наконец перестал сочиться совсем, иссяк Чича – пал на «боевом посту», как писалось в железнодорожной газете «Сталинская путевка» в заметке «Беззаветный труженик». Из заметки люди узнали, что был когда-то Чича красным партизаном, имел боевой орден и трудовой значок отличия «Ударнику труда», заработанный в кочегарке.

После похорон Чичи тетя Граня какое-то время пребывала в полусне, ходила медленно, в грязных спецодежных ботинках, глаза свои яркие, черные, в которых даже зрачков не было видно, затеняла деревенским платочком, надеваемым наперекор железнодорожным правилам даже на работе. Машинисты, составители поездов, сцепщики и кондукторы, уважая человеческую скорбь, не указывали ей на нарушение.

Но не ходит беда одна. С катящейся по маневровой горке платформы вылетела плохо закрепленная горбылина и ударила тетю Граню по голове. Слышал бы тот разгильдяй и пьяница, что неряшливо закрутил проволоку, крепя пиломатериал на платформе, детский крик в закоулке станции Вейск, видел бы, как артелька малышей детсадовского возраста пыталась стащить с рельсов окровавленную женщину, он бы всю жизнь замаливал грехи, сам справлял бы дело как следует и другим наказал бы работать ладом.

Тетя Граня вышла из больницы, по-куричьи косо держа голову, зрение у нее «сяло и двоилось», для работы на железной дороге, тем более самой ответственной, движенческой, она сделалась негодной.

На сбережения, оставшиеся от мужа, который никуда и ни на что свою зарплату не расходовал, купила тетя Граня в железнодорожном поселке маленький домик с пристройкой во дворе. Домик стоял сразу же за тупиком, возле которого работала когда-то тетя Граня и давно уж его подсмотрела у станционного плотника, мечтавшего податься на золотые прииски аж в Магадан.

В доме тети Грани скоро появилась живность: подрезанная на путях собака Варька, ворона с перебитым крылом – Марфа, петух с выбитым глазом – Ундер, бесхвостая кошка Улька. Перед самой войной тетя Граня привезла в вагоне из родной вятской деревни нетель и попросила племянника, сочинявшего стишки подзаборного и походного свойства, и его приятелей придумать название симпатичной скотине. Ничего путного шпана железнодорожного поселка придумать не могла, одни только неприличные прозвища лезли ей в голову, и осталась нетель с именем родного села – Варакушкой, с ним в коровы перешла да и век свой достопамятный изжила.

В войну тетя Граня жила коровой. С утра до вечера она таскала с лесопилки в узлом завязанном куске холстины желтые опилки на подстилку корове, жала бурьян по обочинам дороги и траву по берегам реки Вейки. Нигде никакого покоса у нее не было, и все-таки она запасала сена на всю зиму. Варакушка ее всегда доилась отменно, была ласковой, все понимающей, можно сказать, патриотической коровой. Большую часть удоя тетя Граня уносила в ближайший госпиталь – раненым, поила молоком ребятишек, теперь уж в домике ее все так же густо обретающихся. Брали у тети Грани молоко соседи – железнодорожники, а также эвакуированные. На вырученные за молоко деньги тетя Граня выкупала по карточкам хлеб и молочный сбой или мякину в ближнем колхозе – для поила корове. Теленков от Варакушки, дорастив до того, чтоб можно было отнять их от матери, тетя Граня за веревочку водила в госпиталь. После войны и ликвидации госпиталя она какое-то время носила молоко в железнодорожную больницу, после и корову туда отвела – начали сдавать ноги, раздуло суставы на руках, силы покидали тетю Граню, и самое ее увезли в железнодорожную больницу. Чуть там отлежавшись, тетя Граня принялась мыть туалеты и коридоры, латать и гладить больничное белье – и осталась нянькой в детском отделении больницы. Когда и кому продала она свой домик возле тупика или его сломали, расширяя маневровую площадь станции, Леонид не знал, он в ту пору работал в Хайловске, увлекся службой, спортом, женщиной да и подзабыл про тетю Граню.

Глава 2

Однажды, это уж после возвращения из Хайловска, Сошнин дежурил с нарядом ЛОМа – линейной милиции – за железнодорожным мостом, где шло массовое гулянье по случаю Дня железнодорожника. Скошенные загородные луга, пожелтевшие ивняки, побагровелые черемухи да кустарники, уютно опушившие старицу Вейки, во дни гуляний, или, как их тут именovali, «питников» (надо понимать – пикников), загаживали, ближние деревья сжигали в кострах. Иногда, от возбуждения мысли, подпаливали стога сена и радовались большому пламени, разбрасывали банки, тряпки, набивали стекла, сорили бумагой, обертками фольги, полиэтилена – привычные картины культурно-массового разгула на «лоне природы».

Дежурство выдалось не очень хлопотное. Против других веселящихся отрядов, скажем, металлургов или шахтеров, железнодорожники, издавна знающие высокую себе цену, держались степенней, гуляли семейно, если кто задибался из захожих, помогали его уговорить и спрятать от милиции, чтоб не увезли в вытрезвитель.

Глядь-поглядь, от ближнего озера, из кустов идет женщина в разодранном ситцевом платье, косынку за угол по отаве тащит, волосья у нее сбиты, растрепаны, чулки упали на шиколотки, парусиновые туфли в грязи, да и сама женщина, чем-то очень и очень знакомая, вся в зеленовато-грязной тине.

– Тетя Граня! – бросился навстречу женщине Леонид. – Тетя Граня! Что с тобой?

Тетя Граня рухнула наземь, обхватила Леонида за сапоги:

– Ой, страм! Ой, страм! Ой, страм-то какой!

– Да что такое? Что? – уже догадываясь, в чем дело, но не желая этому верить, тряс тетю Граню Сошнин.

Тетя Граня села на отаву, огляделась, подобрала платье на груди, потянула чулок на колено и, глядя в сторону, уже без рева, с давним согласиём на страдание тускло произнесла:

– Да вот... снасиловали за что-то...

– Кто? Где? – оторопело, шепотом – сломался, куда-то делся голос – переспрашивал Сошнин. – Кто? Где? – И закачался, застонал, сорвался, побежал к кустам, на бегу расстегивая кобуру. – Перестр-р-реля-а-аю-у-у!

Напарник по патрулю догнал Леонида, с трудом выдрал из его руки пистолет, который он никак не мог взвести срывающимися пальцами.

– Ты что? Ты что-о-о?!

Четверо молодцев спали накрест в размиchanной грязи заросшей старицы, среди ломаных и растоптанных кустов смородины, на которых чернели недоосыпавшиеся в затени спелые ягоды, так похожие на глаза тети Грани. Втоптаный в грязь, синел каемкой носовой платок тети Грани – она и тетя Лина еще с деревенской юности обвязывали платочки крючком, всегда одинаковой синенькой каемочкой.

Четверо молодцов не могли потом вспомнить: где были, с кем пили, что делали? Все четверо плакали в голос на следствии, просили их простить, все четверо рыдали, когда судья железнодорожного района Бекетова – справедливая баба, особенно суровая к насильникам и грабителям, потому как под оккупацией в Белоруссии еще дитем насмотрелась и натерпелась от разгула иноземных насильников и грабителей, – ввалила всем четверым сладострастникам по восемь лет строгого режима.

После суда тетя Граня куда-то запропала, видно, и на улицу-то стыдилась выходить.

Леонид отыскал ее в больнице.

Живет в сторожке. Беленько тут, уютно, как в той незабвенной стрелочной будке. Посуда, чайничек, занавески, цветок «ванька мокрый» алел на окне, геранька догорала. Не пригласила

тетя Граня Леонида пройти к столу, точнее, к большой тумбочке, сидела, поджав губы, глядя в пол, бледная, осунувшаяся, ладошки меж колен.

– Неладно мы с тобой, Леонид, сделали, – наконец подняла она свои не к месту и не к разу так ярко светящиеся глаза, и он подобрался, замер в себе – полным именем она называла его только в минуты строгого и непрощающего отчуждения, а так-то он всю жизнь для нее – Ленья.

– Чего неладно?

– Четыре молодые жизни погубили... Такие срока им не выдержать. Выдержат – уж седыми мушшыми сделаются... А у их, у двоих-то, у Генки и у Васьки, – дети... Один-то у Генки уж после суда родился...

– Те-о-отя Граня! Те-о-о-отя Граня! Они надругались над тобой... Над-ру-га-лись! Над седиными над твоими...

– Ну дак чё теперь? Убыло меня? Ну, поревела бы... Обидно, конечно. Да разве мне привыкать? Чича, бывало, свалит в кочегарке... Ты извини, что про такое говорю. Ты уж большой. Милиционером служишь, всякого сраму по норки нахлебался и нанюхался небось... Чиче не дашься – физкультуру делает. Схватит лопату и ну меня вокруг кочегарки гонять... Эти поганцы... обмуслякали, в грязе изваляли... отстиралась бы...

И стали они избегать, бояться друг друга. Но как избежишь-то насовсем в таком городке, как Вейск? Здесь жизнь идет по кругу, по тесному. Задолго еще до того, как увидеть друг друга, они чувствовали неизбежность встречи. Внутри у Леонида не то чтобы все обрывалось, в нем все скатывалось в одну кучу, в одно место, останавливалось под грудью, в тесном разложье, он еще задаль расплывался в улыбке и, чувствуя ее неуместность и нелепость, не в силах был совладать со своим ртом, убрать улыбку с лица, сомкнуть губы – она была и защитной маской, и оправдательным документом, приклеенным к лицу, словно инвентарная печать, приляпанная ляписом на задку казенных подштанников. Поймав его взгляд, тетя Граня опускала глаза и бочком, бочком проскальзывала мимо в сером старом железнодорожном берете, с невылинявшей отметкой ключа и молота, в старой железнодорожной шинели, в стоптанных башмаках. Все это, догадывался Леонид, тете Гране отдавали донашивать подружки и товарки, которые из больницы отправлялись туда, где не нужна форменная одежда, – туда еще не проложены рельсы.

«Доброе утро!» – хоть утром, хоть днем, хоть вечером роняла тетя Граня на ходу.

Сошнин чувствовал, что, если бы не природная деликатность, тетя Граня не поздоровалась бы с ним вовсе. И всякий раз, пришибленный, как гвоздь, по шляпку вбитый в тротуар, с резиновой улыбкой на лице, он хотел и не мог побежать следом за тетей Граней и закричать, кричать на весь народ: «Тетя Граня! Прости меня! Прости всех нас!..»

«Доброе утречко! Здоровеньки булы!» – вместо этого выдавал он шутливо, работая под Тарапуньку со Штепселем, ненавидя себя в те минуты и украинских неунывающих юмористов, всех эстрадных словоблудов, весь юмор, всю сатиру, литературу, слова, службу, свет белый и все на этом свете...

Он понимал, что среди прочих непостижимых вещей и явлений ему предстоит постигнуть малодоступную, до конца никем еще не понятую и никем не объясненную штуковину, так называемый русский характер, приближенно к литературе и возвышенно говоря – русскую душу... И начинать придется с самых близких людей, от которых он почему-то так незаметно отдалился, всех потерял: тетю Лину и тетю Граню, собственную жену с дочерью, друзей по училищу, приятелей по школе... И надо будет прежде всего себе все досконально выяснить, доказать и выявить на белой бумаге, а на ней все видно, как в прозрачной ключевой воде, и в этой прозрачности предстоит обнажиться до кожи, до неуклюжих мослаков, до тайных неприглядных мест, доскребаясь умишком до подсознания, которое, догадываться начал Сошнин, и движет творчеством, оно и есть его главный секрет. Как это трудно! И сколько мужества и силы надо, чтобы «мыслить и страдать» все время, всю жизнь, без перекура и отпуска, до послед-

него вздоха! Может быть, объяснит он в конце концов хотя бы самому себе: отчего русские люди извечно жалостливы к арестантам и зачастую равнодушны к себе, к соседу – инвалиду войны и труда? Готовы порой последний кусок отдать осужденному, костолому и кровопускателю, отобрать у милиции злостного, только что бушевавшего хулигана, коему заломили руки, и ненавидеть сожителя за то, что он забывает выключить свет в туалете, дойти в битве за свет до той степени неприязни, что могут не подать воды больному, не торкнуться в его комнату...

Вольно, куражливо, удобно живется преступнику среди такого добросердечного народа, и давно ему так в России живется.

Добрый молодец, двадцати двух лет от роду, откушав в молодежном кафе горячительного, пошел гулять по улице и заколол мимоходом трех человек. Сошнин патрулировал в тот день по Центральному району, попал на горячий след убийцы, погнался следом в дежурной машине, торопя шофера. Но молодец-мясник ни убегать, ни прятаться и не собирался: стоит себе у кинотеатра «Октябрь» и лижет мороженое – охлаждается после горячей работы. В спортивной курточке канареечного или, скорее, попугайного цвета, красные полосы на груди. «Кровь! – догадался Сошнин. – Руки вытер о куртку, нож под замочек на груди спрятал». Граждане шарахались, обходили измазавшего себя человеческой кровью «артиста». Он с презрительной усмешкой на устах долижет мороженое, культурно отдохнет – стаканчик уже внаклон, деревянной лопаточкой заскребаёт сладость – и по выбору или без выбора – как душа велит – нарежет еще кого-нибудь.

Спиной к улице, на пестром железном перильце сидели два корешка и тоже питались мороженым. Сладкоежки о чем-то перевозбужденно переговаривались, хохотали, задирали прохожих, вязались к девчонкам, и по тому, как дрыгались куртки на спинах, катались бомбошки на спортивных шапочках, угадывалось, как они беспечно настроены. Мяснику уже все нипочем, брать его надо сразу намертво, ударить так, чтоб, падая, он ушибся затылком о стену: если начнешь крутить среди толпы, он или дружки его всадят нож в спину. На ходу выскочив из машины, Сошнин перепрыгнул через перила, оглушил о стену «кенаря», шофер за воротники опрокинул двух весельчаков с перилец, придавил к сточной канаве. Тут и помощь подоспела – поволокла милиция бандитов куда надо. Граждане в ропот, сгрудились, сбились в кучу, милицию в кольцо взяли, кроют почем зря, не давая обижать «бедных мальчиков». «Что делают! Что делают, гады, а?! – тряся в просторном пиджаке выветренный до костей человек, в бессилии стуча инвалидной тростью по тротуару. – Н-ну, легавые! Н-ну, милиция! Эко она нас бережет!» – «И это середь бела дня, середь народа! А попади к им туда-а...» – «Такой мальчик! Кудрявый! А он его, зверюга, головой об стену...»

Сошнин «тер к носу», но потрясенный шофер, недавно работающий в милиции, не выдержал: «Попались бы вы этому кудрявому мальчику! Он бы вам запросто укоротил и языки, и жизнь...»

В отделении как раз чинил телефоны давно уже вышедший на заслуженный отдых, но от нужды прирабатывающий к пенсии бывший командир отделения морских пехотинцев, переколовавший ножом фашистов больше, чем его дед, поморский рыбак, острогою рыбы.

«За что ты убил людей, змееныш?» – усталым голосом спросил он «кенаря».

«А хари не понравились!» – беспечно улыбнулся тот ему в ответ.

Старый вояка не выдержал, схватил убийцу за горло, свалил на пол. Едва отобрали добра молодца, который вопил на целый квартал: «Бо-о-ольно! Не имеешь права! О-о-ой! Отпусти-ы-ы!» – и потом невинно лупил глаза на следователя: «Неужели меня расстреляют? Вышка?! Я ж не хотел...»

Глава 3

«Но все, все! На сегодня хватит!» – отмахнулся Сошнин от навязчивых и всегда в худую погоду длинных и мрачных воспоминаний. В предчувствии избыточного тепла он поежился, передрнул плечами, словно бы стряхивая мокро и прах от дум своих, погладил себя по лицу рукой и прибавил шагу. У него хотя и было в квартире паровое отопление, но плита тоже осталась от доисторических времен. Хорошее, доброе сооружение – плита. Он ее подтапливал дровишками, которые ему по старой дружбе осенью сваливал с телеги у дровяника Лавря-казак. «Сейчас растопим печку, супчику спроворим, чайку покрепче заварим – Бог с ней, с житухой этой неловкой, с погодой гадкой, с проклятой болью в плече. Жизнь, она все-таки, в общем-то, ничего. В ней то клюет, то не клюет...» Сошнин улыбнулся, вновь увидев наяву дядю Пашу с метлой во дворе, с достоинством топающую домой лошадку Лаври-казака, даже мотивчик засвистел из фильма «Следствие ведут знатоки» и промурлыкал выразительнейший текст популярной не только среди милиции, но и среди гражданского населения песни: «Если что-то, где-то, почему-то, у кого-то...» – чем, видимо, и раздражил компанию из трех человек, расположившуюся в их доме, под лестницей, пить вино, поставив бутылку на отопительную батарею. «И что они все троиками-то? Чем объяснить активность этого числа?»

Из новых жилищ, со станции – в укромный уголок, под прелую лестницу старого, доброго дома номер семь зачастили любители побеседовать. Свинячили под лестницей, блевали, дрались, иные и спали здесь, прижавшись к ржавой батарее, сочащейся тихим паром, отчего подгнили и подоконник, и пол под батареей. Одного из троих Сошнин вспомнил – бывший игрок футбольной команды «Локомотив», сперва местной, потом столичной. Когда столичный «Локомотив», потерпев крушение, ахнулся в первую лигу, земляк явился доигрывать спортивную карьеру в родном городе. Соседи, в первую голову бабка Тутышиха, ныли: «Лёш, наведи ты порядок под лестницей. Разгони кирушников. Житья нету!»

Но ему поднадоело на службе возиться со всякой швалью, устал он от нее, и психовать, нарываться на нож или на драку не хотелось – донарывался. Однако все равно придется разгонять пьянчуг – народ требует. «Но на сегодня мне хватит впечатлений», – решил Леонид, да и вспомнились к месту слова знакомого тюремного парикмахера: «Усю шпану не переброешь». И когда, приподняв изуродованную ногу, опираясь на перила свободной рукой, с детства натренированно взлетел он сразу на пол-лестницы и услышал из-под лестницы: «Эй ты, соловей! Хиль Эдуард! Кто здороваться будет?» – «Ничего не вижу, ничего не слышу», – продекламировал себе и, приволакивая ногу, двинулся дальше, выше, в жилье, в свой спасительный угол. Но едва сделал шаг или два, как услышал за собой погоню: старые ступени родного дома он различал по голосам, как пианист-виртуоз – свой редкостный рояль.

Ступени звучали напористо и расстроено – услышал он ушами, почувствовал спиной, а спина у настоящего милиционера должна быть, что у детдомовца, очень чуткая и с «глазами».

Его обогнал и заступил дорогу домой парень с роскошной смоляной шевелюрой, в распахнутом полушубке с гуцульским орнаментом по подолу, бортам и обшлагам.

– Тебя спрашивают, физкультурник: кто здороваться будет?

Кавалер в дубленке, с красными прожилками в вялых глазах – предосенняя ягода, от нехватки солнца плесневеющая в недозрелом виде, – переваливал во рту жвачку, локтем навалившись на перила. Лестница в доме номер семь рассчитана не на крестный ход, на малый и нежирный народ она рассчитана. Когда хоронили тетю Лину, поднимали гроб над изрезанными складниками перильцами так высоко, что покойница едва не чертила остреньким носом по прогнувшейся вагонке потолочного перекрытия. Леонид поморщился от боли в ноге, от душу рвущего видения, так некстати его настигающего.

– Здравствуйте, здравствуйте, орлы боевые! – согласно и даже чуть заискивающе произнес Сошнин, по практике ведая, что таким-то вот тоном как раз и не надо было разговаривать с воинственно настроенными гостями. Но так устала и ныла нога, так хотелось домой, остаться одному, поест, полежать, подумать, может, плечо отпустит, может, душа перестанет скулить...

– Какие мы тебе орлы? – суровым взглядом уперся в него и выплюнул жвачку под лестницу парень. – Ты почему грубишь? – Он распахнул модную дубленку, сделался шире, раземистей.

«Интересно, где он отхватил такой шабур? Вроде бы женский? Дорогой небось?» – не давая себе завестись, отвлекался Сошнин.

– А ну, сейчас же извинись, скотина! – выступил из-под лестницы футболист. – Совсем разбаловался! Людей не замечаешь!

За футболистом с блуждающей улыбкой стоял мужик – не мужик, подросток – не подросток, по лицу – старик, по фигурке – подросток. Матерью недоношенный, жизнью, детсадом и школой недоразвитый, но уже порочный, в голубом шарфике и сам весь голубенький, бескровный, внешне совсем непохожий на только что вспомнившегося «кенаря» и все же чем-то неуловимо напоминающий того убийцу – рыбьим ли прикусом губ, ощущением ли бездумной и оттого особенно страшной мстительной власти. Он, по синюшному лицу и по синюшной стриженной голове определил Сошнин, только что с «режима». Давно не вольничал, давно не пил, недоносочек, захмелел раньше и больше напарников. Барачного производства малый, плохо в детстве кормленный, слабосильный, но, судя по судачьему прикусу сморщенного широкого рта, до потери сознания психопаточный. За пазухой у него нож. Не переставая плыть в бескровной, рыбьей улыбке, он непроизвольно сунул одну руку в карман куртки, другой нервно, в предчувствии крови теребил шарф. Самый это опасный тип среди трех вольных гуляк.

«Спокойно! – сказал себе Сошнин. – Спокойно! Дело пахнет кероси-и-ином...»

– Ну что ж, извините, парни, если чем-то вас ненароком прогневил.

– Что это за «ну что ж»?

Кавалер с бакенбардами, в гуцульском бабьем полушубке напоминал Сошнину обильным волосом, барственной усмешечкой избалованного харчем, публикой, танцорками певца из модного варьете. Умственно и сексуально переразвитые девки бацали в том «варьете» в последней стадии одевания – одни в гультиках, другие в колготках, – да и это связывало их творческие возможности, и не будь суровых наших нравственных установок, они и это все поскидывали бы и еще выше задирали бы лосиные, длинные ноги, изображая патриотический танец под названием «Наш подарок БАМу». Певец же «мужественным» басом расслабленно завывал в лад их телодвижениям: «Ты-ы, м-мая мэл-ло-о-о-одия-а-а-а...»

С ног до головы излаженный под боготворимого среди недоумков солиста кавалер на лестнице хотел острых ощущений, остальное все у него было для удовольствия жизни. За шикарнейшей прической – оскорбительный плагиат с гусара-героя и поэта Давыдова; в модном полушубке с грязными орнаментами, в как бы понарошке мятых вельветовых штанах с вызывающе светящейся оловянной пуговицей почти на пупе, в засаленном мохеровом шарфике и в грязновато-алой водолазке, оттеняющей шею, покрытую как бы выветренной берестой, – во всем, во всем уже была не то чтобы слишком ранняя, как говорил поэт, усталость, непромытость была, затасканность. «Вот с запущенности лица все и начинается» – вспомнился начальник Хайловского РОВД Алексей Демидович Ахлюстин, добрейший души человек, неизвестно когда, как и почему попавший на работу в милицию.

– Извиняйся как следует: четко, отрывисто, внятно!

«Испортить эту экзотическую харю, что ли? – подумал Сошнин. – В сетке бутылка с молоком, банка с компотом... Око за око, зуб за зуб, подлость за подлость, да? Да! Да! Однако далеко мы так зайдем... И молоко жалко на этакую погань тратить. И цыпушку жалко, она,

бедная, и так воли не видела, не оформилось ее молодое, инкубаторское тело до плотской жизни – и этакой-то невинной птичкой да по такой развратной роже!...»

Сошнину удалось отвлечься, он унял в себе занимающуюся дрожь, стоя вполоборота, чтоб парня видеть, если бросится, и тех, внизу, из поля зрения не выпускать, ждал, что будет дальше. Более других его занимал футболист: во-первых, ему за тридцать, пора, как говорится, и мужчиною стать; во-вторых, он должен знать Сошнина. Но футболист и отроду-то мало памятлив, по случаю возвращения в родную команду записался и родимой матушки, видать, не узнавал, а может, видел Сошнина в форме – милицейская же форма шибко меняет человека и отношение к нему.

Лишь краткое замешательство потревожило налитый злобой взгляд футболиста, так и не простившего человечество за то, что «Локомотив» вышибли в «перволижники», на окраину Москвы, в Черкизово, где, несмотря на уютный стадиончик, бывает болельщиков от одной тысячи и до двухсот душ, прячущихся с выпивкой на просторных трибунах; отсюда тебе и навар, и наградные, и слава, и почет. Да еще это неблагодарное в футболе ремесло – «защитник»! Из лексикона лагерных языкотворцев ему скорее подходило: стопор – стопорило, кайло – рубило, секач, колун, обух, но лучше всего – пихальщик, который не пускал к воротам честных, смелых ребят – нападающих, бил их бутсой в кость, стягивал с них трусы и майки, валил наземь, получая лютое удовольствие от вопля поверженного «противника».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.